© 1993 г., ЭО, № 5

В. П. Алексеев

ОБЩЕНИЕ

Я прошу принять эти страницы как посвящение всем, кому дорога память о Михаиле Михайловиче Герасимове и окружавших его коллегах.

Часть пятая *

Мне посчастливилось встретиться с М. М. Герасимовым в полевых условиях — в Крыму, на стоянке Староселье. Случилось это так. После поступления в конце 1952 г. в аспирантуру и экспедиционной поездки летом 1953 г. для сбора материала я осенью того же года вместе с женой Татьяной Ивановной Алексеевой, тогда аспиранткой Института антропологии при МГУ, отправился в Крым. У нас была давняя договоренность об этом с нашим приятелем Александром Александровичем Формозовым. Он копал там мустьерскую пещерную стоянку у деревни Староселье, был очень увлечен своими раскопками, сделал много разведочных маршрутов по Крыму и буквально «горел» проблемами крымского палеолита. Мы же были заинтересованы в новых путешествиях и расширении кругозора, легки на подъем; я никогда не видел Крыма, хотел принять участие в раскопках именно палеолитического памятника, чтобы познакомиться с палеолитом из первых рук, и поездка сулила стать очень интересной, каковой она и оказалась.

Приехали в Симферополь на поезде (бухгалтерия тогда не оплачивала самолетных билетов, и все командированные Советского Союза тащились поездом), оттуда автобусом в Бахчисарай, нашли Формозова, устроились у хозяйки в деревне Староселье, лежащей в 2—3 км выше ханского дворца в Бахчисарае, прямо под пещерным городом Чуфут-Кале. Жили по-спартански: для Татьяны Ивановны Алексеевой устроили кое-какую постель, сами спали на газетах, укрывались формозовским плащом (свой я оставил дома, считая, что в Крыму он не понадобится), под голову клали сапоги. Сапоги есть сапоги, воздуха они, как и знаменитые валенки дворника Пахома, тоже не озонировали: Формозов однажды промаялся всю ночь и утром страшно ругал меня за то, что я устроил ему такое ложе. Еда не отличалась разнообразием: арбузы, козье молоко и хлеб; иногда, озверев от голода, ходили обедать в единственный ресторанчик в Бахчисарае, где неизменно подавался мерзкий гуляш с на удивление безвкусным картофельным пюре. Тем не менее жизнь у нас была интересной. Мы до хрипоты и одури спорили о том, кто внес в науку больший вклад — Толстов или Дебец, очень много бродили по окрестностям, Формозов рассказывал, как и где до него изучали палеолитические памятники Крыма Бонч-Осмоловский и Крайнов — расширение кругозора, о котором мечталось, происходило не по дням, а по часам.

Стоянка Староселье, которую раскапывал Формозов, заслуживает специального описания. Через несколько дней после нашего приезда она стала одним из знаменитейших палеолитических памятников в СССР, так как на ней было открыто погребение палеолитического человека. Но уже до этого она дала боль-

* Предыдущие части см.: Этнографическое обозрение. 1993. № 1—4.

шой и разнообразный кремневый инвентарь мустьерского времени, т. е. времени, когда в соответствии с распространенным в тот период мнением в Крыму жил неандертальский человек. С деятельностью неандертальцев вообще связывалась тогда преимущественно мустьерская техника, человек же современного вида считался творцом более совершенной верхнепалеолитической техники. Формозов выбрал стоянку для раскопок после многочисленных разведок и шурфовки других памятников, и стоянка не обманула его ожиданий; добытый при раскопках обильный археологический инвентарь был описан затем в специальной монографии, как он того и заслуживал. Стоянка, хотя и называется по традиции пещерной, представляла собой неглубокий грот, расположенный рядом с деревней в одном из узких ответвлений ущелья и удобный для жизни первобытных людей тем, что он был закрыт со всех сторон и не продувался ветрами. В то же время из него было удобно вылезать наверх, на плато, где жили стада копытных, служившие людям добычей. По дну ответвления протекал ручеек, который во времена обитания мустьерцев в пещере мог быть полноводнее — так что вода была под боком.

Формозов не имел значительных сил на раскопки, в его распоряжении было лишь несколько рабочих. Когда-то потолок грота обвалился, сам грот был расположен с наклоном, к устью ответвления ущелья его пол понижался, все это нарушало стратиграфию и усложняло раскопочные работы. Культурный слой шел вперемежку с крупными камнями, разбирать его было трудно, орудия иногда лежали под камнями или рядом с ними, и было невозможно понять, лежат ли они там in situ или сдвинуты камнями. Формозов постоянно находился на раскопе, внимательно наблюдал за рабочими, и весь раскоп всегда был в поле его зрения. Мы помогали ему, иногда что-то рисуя или нанося на план, иногда разбирая культурный слой.

Я не помню, сколько дней прошло с момента нашего приезда до того полного волнений дня, когда было открыто палеолитическое погребение — наверное, не больше трех-четырех. Но со дня открытия началась иная жизнь, что и оправдывает рассказ об этих раскопках в повествовании о Герасимове.

В тот день рабочих почему-то не было, мы возились на раскопе, что-то подчищая и разбирая, Формозов ушел в Бахчисарай, кажется, на почту, потом и я ненадолго тоже куда-то отлучился. Мы встретились на дороге, возвращаемся на раскоп вместе, и тут Алексеева, улыбаясь, говорит нам, что найдены кости человека... Позже она не раз вспоминала, что у нас сделались какие-то дикие лица, мы же восприняли ее слова как милую, но жестокую шутку. При раскопках палеолитических стоянок всегда идут разговоры о находках костных остатков древних людей — это мечта всех археологов, занимающихся палеолитом, наша молодая фантазия делала эти разговоры особенно острыми, перед глазами маячил пример работы Бонч-Осмоловского, нашедшего остатки скелета киик-кобинского неандертальца. Вестница открытия проводит нас несколько шагов вперед и, действительно, из-под земли видна часть детского черепа (по размерам и тонкости костей это можно сразу же определить), показавшегося, когда студент, принимавший участие в раскопках, хотел убрать горсть земли, оставшуюся на раскопе.

Что происходит потом? Волнение, азарт делают разговор беспорядочным; череп слегка подчищается, и есть возможность убедиться — он, действительно, детский, раздавлен слоем земли и камней, зубы крупные, что сразу же заставляет думать о неандертальском младенце. Трезво мыслящий Формозов, стоящий на пороге крупного открытия, уже, можно сказать, автор этого открытия, не исключает возможности впускного погребения (так археологи называют захоронение, попавшее в ранний культурный слой позже, «впущенное» в него). Понимая важность находки, Формозов категорически высказывается в пользу приглашения авторитетной комиссии, в присутствии которой было бы вскрыто погребение и которая определила бы его подлинность, «освятила» своим авторитетом. Подобные прецеденты уже имели место. При открытии палеолитических погребений

или любых других сенсационных археологических открытиях неоднократно приглашались группы выдающихся ученых, составленные ими протоколы осмотра печатались как наиболее серьезное подтверждение подлинности находки. В дирекцию Института этнографии посылается телеграмма с сообщением об открытии палеолитического погребения с детским скелетом и просьбой прислать комиссию специалистов для его вскрытия и оценки. Телеграмма отослана и начинаются тяжелые дни ожидания.

Они не проходили в безделье. Место, где лежал скелет, покрыли ветками и затянули брезентом или какой-то другой тканью, чтобы дождь, не дай Бог, не размыл землю над погребением. Всепроникающий туризм пускал тогда лишь первые ростки, но в Крыму туристы встречались и любой из них мог забрести в живописное ответвление ущелья, мог и заинтересоваться покрытием, а увидев под ним череп — повредить или разрушить его. Днем охрана раскопа не составляла труда, там всегда кто-нибудь был, ночью же решили дежурить. Вдвоем с Формозовым мы провели на раскопе ночь и, обалдев от бессоницы, поняли, что это не для нас. Ущелье было узким и мрачным, от лунного света падали какие-то странные блики, по скальной стене навеса шуршали ящерицы, было жутковато, и от этого ощущения не спасали даже анекдоты, которые мы вспоминали и рассказывали целую ночь. Но дело даже не в этом — не поспав одну ночь, что делать на следующую? К счастью, у Формозова, работавшего в Староселье не первый год, был хороший знакомый из местных крестьян, человек степенный и положительный, ему можно было вполне довериться, и он согласился на ночную вахту. Каждый вечер он надевал тулуп (ночи были уже холодные, мы в легких курточках страшно мерзли) и отправлялся дежурить, а мы безмятежно заваливались спать.

Из Москвы пришла телеграмма, в которой сообщалось, что к нам направляется комиссия в составе Герасимова, Замятнина и Рогинского. Дебец был где-то в экспедиции, Левин также был занят, и поэтому для участия в работе комиссии пригласили университетского профессора. От Института материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии) к комиссии был прикомандирован Сергей Николаевич Бибиков, много в Крыму работавший, в том числе и с Бонч-Осмоловским, специалист по каменному веку Крыма. Однако приехал он поздно, поспел только к заключительному отчету о проделанной работе на заседании симферопольских археологов и участия в деятельности комиссии в полевых условиях не принимал. Формозов составом комиссии был полностью удовлетворен: Герасимов и Рогинский уже тогда считались крупнейшими специалистами по палеолитическому человеку. Сергей Николаевич Замятнин возглавлял небольшой сектор археологии в Ленинградском отделении Института этнографии, в котором хранились уникальные палеолитические коллекции. Он был одним из крупнейших знатоков археологии палеолита, его судьба и ранее пересекалась с судьбой Михаила Михайловича, поэтому здесь нельзя не сказать о нем несколько слов.

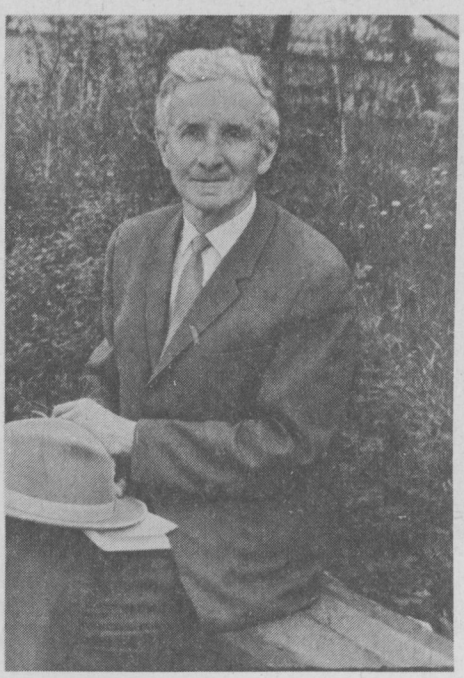
Печатных работ у Замятнина было мало, докторской диссертации он не защитил и поэтому его известность и место, занимаемое им в истории науки, к сожалению, не вполне соответствуют сложности, богатству и масштабам этой колоритной личности. При вдумчивом рассмотрении сейчас ясно, что сделал Замятнин чрезвычайно много в разных областях палеолитоведения, но значительная часть сделанного, уже проанализированного и завершенного, лишь вчерне намечена или предварительно сформулирована в его публикациях, результаты большого числа фундаментальных разработок, которые могли бы стать предметом изложения в крупных статьях или даже в книгах, опубликованы лишь в виде предварительных сообщений, содержащих по нескольку страниц текста. При жизни Замятниным была напечатана всего одна небольшая книжечка, практически брошюра о палеолите Абхазии, содержавшая очень общее описание неоценимого материала, собранного им на абхазских палеолитических стоянках. Рассказывали, что он написал ее в один день, когда его супруга Мария Александровна Паничкина, тоже археолог-палеолитчик, выведенная из терпения

С. Н. Замятнин

нежеланием мужа писать отчет об абхазской экспедиции, заперла его в комнате и пригрозила выпустить только тогда, когда отчет будет готов.

Знатоком же, как уже говорилось, он был выдающимся, литературные знания соединял с огромным экспедиционным опытом, мыслил чрезвычайно оригинально, нестандартно. Он много путешествовал по Крыму, Кавказу и южным районам европейской части СССР, раскопал несколько стоянок, которые по своему стратиграфическому положению и характеру инвентаря заняли ключевое положение, накопил громадное количество наблюдений относительно условий залегания пластов палеолита и структуры их культурных слоев, поэтому в качестве арбитра в спорных случаях не было более подходящей фигуры. Но дело не только в полевом опыте и литературной эрудиции — Замятнин видел незамеченное другими исследователями и продемонстрировал такие стороны жизни людей каменного века, на которые никому не приходило в голову обратить внимание. Кто мог подумать, например, что из кремня — основного материала для изготовления орудий — первобытный человек делал маленькие скульптурки, пытаясь воспроизвести облик животных и пользуясь для этого той же самой техникой ретуши, которая служила и для изготовления орудий? Замятнин неопровержимо доказал это, выделив скульптуру из массы мелких кремневых поделок неопределенной формы. И так было везде и всегда: если Замятнин выступал или вмешивался в спор других исследователей — жди нового, абсолютно неожиданного.

Трое маститых ученых приехали вскоре после получения телеграммы и поселились в единственной гостинице Бахчисарая. Герасимов приехал не один — с ним была его старшая дочь Маргарита, тогда студентка первого курса Института антропологии при МГУ, впоследствии известный палеоантрополог. Я не очень помню момент первого появления членов комиссии на раскопе — время стерло из памяти отдельные эпизоды: кажется, их встречал или навестил уже в гостинице Формозов, мы, конечно, не могли этого сделать, это было бы примерно то же, что пойти запросто прогуляться по Олимпу. Но отчетливо помню сногсшибательное впечатление, прямо фурор, произведенный появлением комиссии на маленький



Я. Я. Рогинский

Бахчисарай. Внешность Герасимова я уже описал, Замятнин был высок и очень толст, страдал одышкой и постоянно отирал пот с лица и лысины большим платком, на их фоне изящный хрупкий Рогинский, неизменно одетый в серый костюм и шляпу, казался почти невесомым. Двигалась комиссия медленно, солидно, и каждое ее появление на улицах города вызывало легкий шок у вездесущих мальчишек, почтительным гуськом сопровождавших приезжих профессоров, куда бы они ни направлялись, и по-моему даже подстерегавших их перед входом в гостиницу. Удивительно мягкие, корректные и вежливые манеры Якова Яковлевича в сочетании, видимо, со шляпой, возвышали его над коллегами в глазах подавальщицы столовой, и ему первому доставался мерзкий гуляш с безвкусным пюре. Они же, наверное, вызвали любовь к нему одного местного алкаша, постоянно тершегося в столовой, каждый раз с неподдельной радостью его встречавшего и даже специально игравшего ему на старой гармошке какие-то песни. Брожение умов, одним словом, было превеликое!

Повторяю, я могу ошибиться, но мне кажется, что разборка погребения произошла не в тот день, когда члены комиссии впервые посетили раскоп, а на следующий день или даже через два дня. До этого они походили вокруг пещеры, ознакомились с уже добытым кремневым инвентарем (рубильца, скребла, остроконечники, диски и др.), выслушали рассказ Формозова об открытии погребения и результатах его работы, обменялись суждениями о стратиграфии напластований в пещере, ее геологической древности и времени ее заселения человеком. В этом последнем пункте сразу же выявились расхождения. Мустьерский характер орудий, найденных в пещере, не вызывал никаких сомнений, мустье — это эпоха в истории палеолита, которую иногда называют эпохой среднего палеолита, предшествующая появлению человека современного вида, и время господства на земной поверхности неандертальцев. Основываясь на анализе формы орудий и техники их выполнения, Формозов видел в истории крымского мустье две стадии и относил стоянку Староселье ко второй, более поздней стадии. Герасимов и

Староселье. В раскопе — Н. Н. Мамонова и М. М. Герасимов, слева — М. М. Герасимова

Староселье. В раскопе — Н. Н. Мамонова и М. М. Герасимов; рядом сидит Т. И. Алексеева

Рогинский его поддерживали, хотя Рогинский, ссылаясь на свою недостаточную компетентность в археологии палеолита, делал это в крайне осторожной форме. Замятнин, наоборот, рассматривал всю эпоху мустье как единое целое, хотя и не лишенное динамики, но настолько монолитное по существу, а главное, недостаточно изученное, что, по его мнению, ни о каком делении на стадии нельзя было серьезно говорить. Споры имели острый характер, приводили даже к временным размолвкам. Замятнин потешался над легкомыслием остальных, остальные посмеивались над скепсисом Замятнина, но вопрос так и остался нерешенным, не решен он окончательно и сейчас.

День разборки погребения запомнился отчетливо — не потому, что он был торжественно обставлен и приехали археологи из Симферополя, а из-за

значительности и длительного ожидания самого события. Культурный слой под погребением разбирали сами, без рабочих, он и под погребением содержал много камней, прямо под скелетом среди этих камней лежал мустьерский остроконечник. Замятнин продолжал развивать свои скептические идеи: характер культурного слоя, по его мнению, полностью исключал возможность проследить следы впускной погребальной ямы, если даже она и была. Кстати сказать, погребальная яма вокруг скелета из-за обилия камней и плотности грунта вообще не прослеживалась. Поэтому погребение может быть мустьерским, а может быть и позднесредневековым. Разговаривая со мной, Замятнин так примерно и выразился: «Саша (он очень высоко ценил Александра Александровича Формозова как молодого коллегу и поэтому любовно называл его за глаза по имени) — исключительно талантливый человек, он сделал блестящее открытие, но ему просто не повезло. Условия находки таковы, что они принципиально не дают возможности исключить сомнения в ее возрасте». Другие члены комиссии не поддержали его, Герасимов и в этот, и в последующие дни постоянно вступал с ним в специальный археологический спор. К счастью, подавляющее большинство исследователей не приняло скептицизма Замятнина, Формозов привел позже дополнительные аргументы в пользу синхронности скелета мустьерскому культурному слою, и старосельская находка заняла достойное место среди древнейших находок ископаемого человека на территории СССР.

После расчистки скелета Алексеева зарисовала его, рисунок этот был опубликован и в предварительном сообщении о находке, и в монографии Формозова и остается наряду с несколькими фотографиями единственным документальным свидетельством, фиксирующим взаимное положение костей и черепа в земле (технические способы фиксации результатов археологических раскопок были развиты слабо, никаких киносъемок не было и в помине, а фотография на цветную пленку только еще начинала применяться и при издании научной литературы цветные фотографии либо совсем не воспроизводились, либо воспроизводились плохо). Далее нужно было разбирать само погребение и снимать скелет. Его решено было взять монолитом, и решение это могло быть принято только потому, что в раскопках принимал участие Герасимов: никому другому выполнение этой задачи было в те годы не по силам.

По расчищенному скелету было видно, что погребен был младенец, погребение было небольшим, но все же взятие монолита в метр длиной — трудоемкое и хитрое дело. Все отступили и смотрели, как работает Михаил Михайлович. Он работал довольно долго, но споро, дочь ему помогала, работал картинно, эффектно, применял, видимо, какие-то им самим разработанные технические приемы, в работе чувствовалось понимание того, что на него смотрят и им любуются, но и полное профессиональное мастерство, та уверенность в себе, которая дается годами труда и не допускает ни одного нарочито броского движения, рассчитанного на то, чтобы произвести впечатление на публику. Так пашет крестьянин, который провел всю свою жизнь за плугом и которому наплевать, смотрят на него или нет, так играет на скрипке или рояле подлинный мастер, забывающий о публике и все силы души вкладывающий в достижение совершенства самой музыки. В конце концов муляж был приготовлен, защищен гипсовой подушкой, и обливающийся потом Герасимов оторвал его от земли, поднял и тем показал, что работа закончена. На месте вынутого погребения остался прямоугольник пустоты.

Никакие силы не помогли уговорить Герасимова отдать монолит кому-то из молодежи — он нес его сам до самой гостиницы, сначала по каменистой тропе, потом по каменистой, неудобной и петляющей то вверх, то вниз дороге, нес, не меняя положения рук, под палящими солнечными лучами, так как день, несмотря на осень, был жарким. Именно тогда я впервые имел возможность воочию убедиться в его незаурядной физической силе и большой, несмотря на 45 лет и полноту, выносливости. Голова была закрыта от солнца белым носовым платком, уголки платка, чтобы он держался на голове, скручены в спирали. Монолит закутали в кусок материи, он производил впечатление детского гробика. Вся

процессия молчала, так как было жарко, и Михаилу Михайловичу было не до разговоров. Рядом с ним, стараясь соразмерять свой шаг с его шагами, шли Замятнин в широчайших штанах и рубашке, из-за жары расстегнутой почти до пояса, в картузе, когда-то имевшем белый цвет, и Рогинский в том же сером костюме и шляпе, сразу за ними следовал Формозов, дальше, отстав на несколько метров, вышагивали сотрудники экспедиции, студенты и гости, за ними валила ликующая толпа мальчишек, сроду не видевших ничего подобного. Да и история антропологии вряд ли запомнит еще одно столь же колоритное шествие!

Монолит унесли, и в тиши гостиничного номера начались его постепенная разборка и предварительная оценка морфологических особенностей находки. Формозов говорил, что Михаил Михайлович не выпустил монолит из рук даже в гостинице и оставил его в своем номере. Там и собирается комиссия для работы. А на раскопе в это время Формозов спешил выполнить намеченный объем работ, задержанных открытием погребения и нерабочими днями ожидания приезда комиссии. Сведения об изучении найденного скелета приходили в основном через него, кое-что рассказывали и сами члены комиссии. Многое из того, что было увидено, обсуждено и зафиксировано в эти первые дни изучения находки, вошло потом в предварительные сообщения о ней Герасимова и Рогинского, опубликованные через год. Скелет принадлежал младенцу в возрасте около полутора лет, что в дополнение к фрагментарности костей еще больше затрудняло правильную оценку морфологических особенностей. Сравнительно крупные зубы, некоторое утолщение надорбитной части лобной кости, слабое развитие подбородочного треугольника рассматривались как примитивные признаки, соответствующие хронологическому возрасту старосельского младенца. Но эти примитивные признаки «весили» значительно меньше, чем вся остальная морфология, а ее приговор был неожиданным, но определенным — на стоянке Староселье в мустьерском слое, который, согласно традиционной точке зрения, мог содержать лишь неандертальский скелет, были обнаружены кости человека бесспорно современного вида.

Этот вывод антропологов — и Герасимов, и Рогинский были в нем единодушны, он получил отражение позже и в их печатных сообщениях — усилил скепсис Замятнина относительно действительной принадлежности скелета мустьерскому слою. С одной стороны, казалось маловероятным, чтобы в какой-то заброшенной пещере захоронили ребенка, не сопроводив это захоронение какими-то вещами, как это обычно делалось во все эпохи, и никаких предметов, кроме мустьерских орудий, рядом с ним не лежало. С другой стороны, кости современного человека в мустьерском слое, если они действительно не случайно попали в этот слой,— сенсация, выдающееся палеоантропологическое открытие века. Спорили члены комиссии обо всем этом, видимо, горячо, Рогинский даже говорил с ужасом, что Замятнин сказал Герасимову какую-то резкость. Доподлинно ли было сказано что-то резкое или же деликатному Якову Яковлевичу это показалось — не знаю, но атмосфера накалилась, и споры, очевидно, действительно принимали форму достаточно острых дискуссий.

После уверования в подлинность погребения и синхронность возраста скелета и возраста того слоя, в котором он был обнаружен, не оставалось ничего другого, как признать, что люди современного типа стали появляться еще в мустье, много раньше, чем предполагалось до сих пор. Вывод этот был особенно неожиданным для Рогинского, который в своей докторской диссертации (она к тому времени уже была опубликована) потратил много эрудиции и остроумия, чтобы разобрать все случаи синхронизации находок человека современного вида со слоями, содержащими следы мустьерской культуры в Европе, и показать, что речь идет либо о неясной и спорной стратиграфии, либо о недостаточно правильной морфологической диагностике. Поэтому для него так важно было заключение Формозова о сравнительно позднем характере мустьерской индустрии в Староселье и отнесении старосельской стоянки ко второму, позднейшему этапу развития мустьерской культуры в Крыму. Герасимов, в ту пору тоже разделявший взгляды подав-

ляющего большинства антропологов на создание мустьерской культуры неандертальским человеком, поддерживал, как уже говорилось, этот вывод, опираясь не только на морфологию старосельской находки, но и на свое собственное впечатление о крымском палеолите.

После окончания работы на раскопе и предварительного изучения костей, перед отъездом в Симферополь Бахчисарайский краеведческий музей вместе с симферопольскими археологами устроили экскурсию, во время которой были осмотрены знаменитые пещерные города Эски-Кармен и Монгун-Кале (последний был столицей крупного средневекового княжества Теодоро). Ездили целый день, в автобус набилось много народу, но настроение у всех было приподнятое, и все были довольны. Герасимов и во время этой экскурсии обращал на себя внимание своей подвижностью, первым поднимался по крутым склонам, хотел увидеть и узнать как можно больше. Меня поразило (я тогда боялся высоты, побаиваюсь ее и сейчас), что на Монгуне он стоял на самом краю бездонного обрыва так же спокойно, как если бы стоял дома, в своей комнате, и при этом еще обсуждал с группой сопровождавших его лиц какие-то вопросы. Вообще Герасимова во время этой поездки всегда окружали люди, ловили его слова, задавали вопросы — слава притягательна, а здесь человек, обладавший славой, оказывался еще милым, простым и доступным. Рассказывая о ком-то или о чем-то, он часто подшучивал над предметом рассказа или над ситуацией, любил рассказывать смешные истории о себе самом, юмор делал любое общение с ним легким и веселым. Услышав, как жена обращается ко мне с обычным «заяц», он сказал: «Танечка, какой же это заяц, это заяц-мастодонт» (автор этих строк был тогда толстоват).

На заседание симферопольских археологов, на котором комиссия выступала впервые с отчетом о проделанной работе, приехал, как уже отмечалось, Бибиков. В сообщениях Герасимова и Рогинского были сформулированы достаточно четко все те выводы, о которых говорилось выше, Формозов (с его выступления началось заседание) сделал содержательный обзор археологической стороны дела, было много вопросов, ответы на них докладчиков превращались в маленькие выступления. Бибиков, выступая в прениях, высоко оценил итоги раскопок и деятельность комиссии, поддержал ее основные выводы. Увлеченный идеей многослойности культурных напластований в крымских пещерах, он и в данном случае говорил о возможности подразделения культурного слоя на отдельные горизонты, которые якобы не были прослежены при раскопках. Это не ставилось в вину автору раскопок — Бибиков неоднократно подчеркнул сложность задачи, которая стояла перед Формозовым при археологическом изучении подобного сложного памятника, но все же отмечал, что послойное снятие культурного горизонта на большой площади вместо разбора его по квадратам могло бы дать важную дополнительную информацию, Формозов возражал против этой идеи, говоря, во-первых, о практической невозможности послойного снятия культурного горизонта в условиях старосельской пещеры и, во-вторых, о типологическом единстве добытого кремневого инвентаря, исключающем гипотезу обживания пещеры на протяжении нескольких периодов и свидетельствующем о проживании в ней единой группы на протяжении какого-то относительно не очень длительного времени. В дальнейшем вопрос о многослойности памятника не обсуждался, видимо, за отсутствием фактических данных, которые могли бы подтвердить эту многослойность.

За заседанием в Симферополе последовало отчетное заседание в Москве. Находка костных остатков ископаемого человека всегда привлекает к себе внимание специалистов в разных областях знания, поэтому конференц-зал Института этнографии был переполнен. Формозов, Герасимов и Рогинский повторили в расширенном виде свои симферопольские сообщения, дополнив их новыми наблюдениями, так как изучение материала продолжалось, затем последовала длительная дискуссия. Замятнин, подчеркнув выдающееся значение открытия, аргументировал свою скептическую точку зрения, но она не получила

поддержки. Всеобщее оживление вызвало заявление Гремяцкого, что новая находка, как всегда бывает в таких случаях, напустила много тумана, но есть надежда — это туман предрассветный и ее дальнейшее сравнительно-морфологическое исследование должно прояснить многие вопросы, связанные с поздним этапом антропогенеза. Сообщения основных докладчиков были опубликованы, как уже говорилось, в 1954 г. на страницах журнала «Советская этнография» вместе с заключением комиссии. Формозов продолжил раскопки в пещере и обобщил затем их результаты в большой книге. Предварительное описание морфологических особенностей черепа младенца, опубликованное Рогинским, осталось, к сожалению, единственным описанием, основанным на изучении подлинника, за ним не последовала никакая крупная работа. Остаются до сих пор неисследованными и кости скелета. Что же касается Герасимова, то для него углубление в понимание морфологии старосельского младенца не окончилось на публикации предварительной статьи о его сохранности и обстоятельствах реставрации. Блестяще реконструировав череп, он создал затем скульптурный портрет находки, который был описан в его последующих книгах.

Talks (Part 5)

In 1993 our journal publishes the manuscript of V. P. Alekseev «Talks». This memoirs tells about an outstanding specialist in anthropology and archaeology Mikhail Mikhailovich Gerasimov, who is well-known as a creator of the method of face reconstruction on the base of skill, author's contacts with him and his colleagues, also striking scholars.

The fifth part of the manuscript is published in the present issue.